

УДК 930:94(430).85

Хомутова Е.В., преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОРИЕНТАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА СССР В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭРНСТА НИКИША

Статья посвящена осмыслению интеллектуального пространства консервативной революции в Веймарской республике Германии. Предметом изучения выступает интеллектуальное политическое наследие германского мыслителя Эрнста Никиша, который представлял собой яркого представителя национал-большевистского движения. В исследовании выбран анализ внешнеполитической концепции консервативного мыслителя, которая характеризовалась отличительной особенностью для многих представителей консервативной революции, а именно – обоснованием ориентации в области внешней политики на перспективный союз с Советским Союзом. Восточная ориентация внешнеполитической концепции Эрнста Никиша совпадала с ранними проектами взаимоотношений с большевистской Россией, которые вырабатывались в первые годы оформления интеллектуального течения Мёллером ван ден Бруком. В предложенной им концепции молодых народов перспектива германо-советского сотрудничества определялась антиверсальной направленностью, в которой возможность ревизии Версальской системы международных отношений служила связующим элементом. Эрнст Никиш, развивая эту мысль, дополнял ее также перспективой политико-экономического сотрудничества, которая, вполне возможно, определялась и предшествующей социалистической деятельностью германского мыслителя в первые послевоенные годы. В ходе исследования мы пришли к выводу о неоднозначности его политической позиции и аргументации в пользу перспективы германо-советского сотрудничества. Все-таки в основе будущего сотрудничества Эрнст Никиш положит необходимость совместной ревизии Версальской системы и преодоления последствий мирового экономического кризиса 1929 г. в качестве использования системы государственного регулирования экономики по принципу советских пятилеток.

Ключевые слова: консервативная революция, Мёллер ван ден Брук, национал-большевизм, Эрнст Никиш, Версальская система, Веймарская республика, германо-советские отношения, германская внешняя политика.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-113-121

Введение. Изучение интеллектуальной политической мысли Веймарской республики в последнее десятилетие приобрело повышенный общественный интерес. Во многом он был вызван публикацией русских переводов многих консервативных мыслителей веймарской Германии, а также осуществлением фундаментальных монографических исследований российских историков, посвященных истории и историографии консервативной революции. В основе фокуса исследования находится проблема кризиса демократической системы и консервативного проекта развития германского государства, который рассматривал в годы Веймарской республики. Одним из направлений консервативной мысли был национал-большевизм, который находился на пограничье между консерватизмом и

социализмом, с одной стороны, а с другой стороны, представлял собой националистический проект социальных общественных изменений германской республики. Интеллектуальным лидером национал-большевистского направления был Эрнст Никиш. В нашем исследовании мы концентрируем внимание на осмыслении его внешнеполитической концепции.

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступает внешнеполитическая концепция Эрнста Никиша. Исследование опирается на принципы историзма, использования историко-системного метода и методологии новой интеллектуальной истории, позволяющую рассмотреть взаимосвязь структурных компонентов внешнеполитической концепции германского мыслителя.

Результаты и их обсуждение. Крах Германии в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, провозглашение Веймарской республики и крайне неблагоприятные статьи Версальского договора серьёзно подорвали стабильность немецкого народа. Соглашения, заключенные в Версале после Первой мировой войны, часто рассматриваются как ключевой элемент, спровоцировавший внутренние трудности в послевоенной Германии. Версальский договор, по сути, был миром старого мира, в котором «народы с мощным потенциалом» потерпели поражение. Он был подписан «изувеченным и окованным народом», который не смог противостоять ему. Мир принес миру не свободу, а порабощение. Он не дал им мира». В Зеркальном зале Версальского дворца государственные деятели Антанты смогли утвердить свой политический порядок и навязать Германии свою власть [1, с.227]. Германские интеллектуалы были убеждены, что решение внешнеполитических проблем германской республики позволит справиться с внутренними трудностями немецкого общества. Таким образом, устранение последствий этого договора представлялось консервативным интеллектуалам Веймарской республики ключом к преодолению внутривнутриполитических проблем и восстановлению страны. В этой связи они считали, что союз между Советским Союзом и Германией, заключенный в ходе Генуэзской конференции 1922 г. В виде Рапалльского договора, был самым эффективным способом разрушить Версальский порядок.

Один из первых, кто заговорил, о необходимости восточной ориентации Германии был Мёллер ван ден Брук, немецкий политический мыслитель, один из редакторов издания первого собрания сочинений на немецком языке Ф.М. Достоевского. Главным стимулом для него была глубокая приверженность русской словесности: «Мы нуждаемся в Германии в безусловности русской культуры. Мы нуждаемся в ней как в противовесе

западничеству, чьё влияние мы прервём, как его прервали в России» [2, с.88]. Он развил взятую у Достоевского идею «старых» и «новых» народов опубликованную в книге «Право молодых народов», в которой он выдвигает версию особого пути, и выделяет группу «молодых народов», и включает в их число Германию и Россию, а также США, на которых возлагал надежду на их способность воздействовать на Францию и Великобританию при заключении мирного договора. В представлении немецкого консерватора «мир молодых народов» лежит на Востоке». Взаимодействие России и Германии должно привести к формированию «новой восточной политики», в результате которой «Россия сама станет Европой», а «молодые народы», то есть Германия, лишь «вносят равномерность поступи и ритмичность в жизненные ожидания Востока, в том числе и соразмерность во взбудораженную жизнь России» [1, с.226]. Идеи Мёллера ван ден Брука, касающиеся «восточной ориентации», не получили единодушного одобрения среди представителей «консервативной революции», разделявших его взгляды.

Эти идеи свое отражение нашли в кругах национал-большевистского движения. Одной из ключевых фигур национал-революционного направления «консервативной революции» являлся Эрнст Никиш – известный политический теоретик и деятель, создатель немецкой национал-большевистской доктрины, издатель журнала *Widerstand*. В эпоху Веймарской республики он играл заметную роль и оказал значительное влияние на множество национал-революционеров. Будучи непримиримым врагом Адольфа Гитлера, Э. Никиш выступал за установление союза между Германией и Советским Союзом.

Э. Никиш оценивал Версальский мирный договор традиционно негативно. Вместе со всеми националистами в Веймарской республике разделял сопротивление Версальскому миру, считая, что Версаль в целом был «немецкой смертью» [1,

с.235]. Э. Никиш пессимистично оценивал сложившуюся политическую ситуацию в Германии, видя необходимость возврата к 1648 году [5, с.55]. В своей книге «Основные вопросы немецкой внешней политики» он подчеркивал, что «мы рассматриваем ситуацию в немецких землях: она ужасна. Мы... ощущаем бессилие и узы нашего Отечества во всей их безнадежности». Эти примеры показывают, что пессимизм Э. Никиша во многом определял его позицию сопротивления, даёт понять, что он не смеет говорить об освобождении, а только призывает к сопротивлению. Но даже при этом он думает не о внешнем физическом сопротивлении, а только о сопротивлении духовном [9, с.12]. АнтиВерсаль превратился в националистический символ сопротивления, что отражалось от номера к номеру в издаваемом Э. Никишем журнале «Widerstand» [6, с.33].

Внешнеполитический вектор, выбранный немецким правительством и воплощенный Г. Штреземаном, интерпретировался Э. Никишем как поддержание условий, продиктованных Версальским договором. Фактически, западноевропейская дипломатия Германии являлась инструментом реализации чужой воли, которую он приписывал Франции.

В силу своей инертности Германия безоговорочно следовала указаниям Парижа. Политика Г. Штреземана, таким образом, рассматривалась не как самостоятельный курс, а как подчинение интересам Франции и сохранение послевоенного статус-кво, установленного Версальским договором. Э. Никиш полагал, что ориентация внешней политики на Францию означает следование системе европейской континентальной политики и представляет собой идею пан-Европы. Вряд ли в такой системе Германия сможет занять какое-то весомое положение [1, с.235].

По мнению Э. Никиша, «судьбой и роком» Германии во внешней политике было её центральноевропейское положение. Следовательно, любая разумная политика должна была исходить из этой позиции, тем

более что в современной истории Германии существование и расцвет Пруссии вплоть до «Договора перестраховки» Бисмарка доказали, что политика против России в долгосрочной перспективе невозможна и, по сути, пагубна. Земельный, героический, антигородской, антицивилизаторский, антирационалистический, антиевропейский стиль жизни ведет немецкий народ на восток [5, с.44]. Э. Никиш подчёркивал, что западные державы должны были признать, что их политика толкала немцев и русских в объятия друг друга. Он рассуждал о завершённом повороте Германии в сторону России, соответственно видел будущее Германии на Востоке.

Общая политика с Россией, «которая разделяет с нами ту же глобальную политическую судьбу», продолжает Э. Никиш, не может, однако, одновременно заключать союз с державами «капитализма Антанты» и Лигой Наций, тем более что последняя под влиянием Франции всё больше грозит «превратиться в военный союз против России». Германия, как показывает требование Франции о праве прохода, используется в политическом и военном отношении как плацдарм против Востока, и нельзя не заметить, какую воинственно-реакционную политико-социальную роль версальские державы отводят немецкой буржуазии, к которой всё больше примыкают социал-демократы. Цель западной политики состоит в «балканизации Германии» [5, с.43]. Россия избежала той опасности благодаря своей революции. Э. Никиш отмечал, что «неверно поймешь сущность русского развития, пока будешь рассматривать его исключительно как революционное социальное событие». Это «должно быть понято с точки зрения внешней политики». «Социальная структура России крестьянская, а не в высшей степени капиталистическая. Россия опиралась на это социально-структурное различие, существующее между Россией и Западной Европой, чтобы максимально усилить чувство антагонизма и, следовательно, защитные инстинкты русского народа против западных держав,

Россия представляла себя воплощением фундаментального антагонизма западных держав. Большевицкая идеология, которой пользовалась Россия, не означала, что Россия действительно ориентируется на коммунистические принципы, в примитивных российских условиях производства отсутствовали все предпосылки для этого. Она лишь довела глубокую враждебность, непримиримый конфликт интересов между Россией и западными державами до резкого, безусловного и крайнего выражения. Россия хотела казаться совершенно иной личностью по сравнению с западными державами, чтобы представить свою борьбу с Западом как спасение и утверждение своей истинной и глубочайшей сути. Переноса «глобальную политическую оппозицию западным державам» большевиков на социальный уровень, их собственные феодальные и буржуазные классы предстали «представителями» враждебного западного «социального принципа», «носителями его духа» и, соответственно, должны были быть устранены. Большевицкая революция, таким образом, фактически представляла собой функцию российской внешней политики, а советский империализм в XX веке был лишь продолжением классически экспансионистской российской внешней политики другими средствами». Русские «переживали социальные потрясения как глобальную политическую борьбу», и блестящее достижение Ленина и большевиков состояло в том, что они позволили революции «переживаться как национальному акту, антикапиталистическому натиску – как средству спасения отечества, всемирно-революционной миссии – как заповеди преданного, государственно-утвердительно, патриотического чувства» [5, с.43-45]. По мнению Э. Никиша, российская революция была большим, чем просто политическая трансформация. Он видел в ней отражение гибели западной культуры, которая, как он считал, была серьезно подорвана стремлением к наживе и упадком нравственности.

Э. Никиш сформулировал свою

концепцию внешней политики, которая отвергала локальную политику Штреземана и требовала широкого сотрудничества с Советским Союзом. Он подчеркивал, что государственная независимость – это ценность, которой нельзя поступаться в зависимости от обстоятельств отказываться от неё ради того, чтобы упростить себе жизнь «Немецкая политика и, следовательно, Сопротивление в целом, если оно хочет быть отчасти немецким, отчасти политическим, у него не может быть другой цели, кроме восстановления немецкой независимости, освобождения от навязанных оков и завоевания великого, влиятельного положения в мире. С немецкой точки зрения, которая, поскольку мы немцы, нет ничего важнее этой цели, поэтому вся наша внутренняя политика, социальная, экономическая и культурная должна получать свои самые истинные импульсы, своё общее направление и руководящий ею дух именно отсюда, она должна довольствоваться тем, чтобы быть лишь средством для достижения этой высшей цели» [3, с.269-270].

Единственной политикой, способной спасти немецких рабочих от участи «безнадёжного рабства», могла быть только политика разрыва договоров, отмены их обязательств и разрушения их связей: «В этот момент жизненные потребности немецкого рабочего с жизненными потребностями... вся нация вместе в одном... Национальная миссия ему превыше всего [5, с.58-59]. Э. Никиш с самого начала даёт понять, что нельзя думать об открытой борьбе, а скорее следует призывать к терпению. Однако это не должно быть «терпением бездействующих, изнуренных и истощенных», а напротив, должно быть исполнено «непоколебимого духа сопротивления, непоколебимой воли к сопротивлению» [5, с.59-60]. Это означало освобождение от обязательности заключённых договоров, но не означало подготовку к новой войне. Э. Никиш считал, что это должно стать поводом «к моральной подготовке к ожидаемому моменту, когда

борьба снова станет возможной. Мы должны остерегаться смирения со своей судьбой и примирения с ситуацией, мы должны развивать дух сопротивления фактам власти, и тогда нынешнее бессилие останется лишь эпизодом. Однако воспитание этого духа есть не что иное, как «дух куртуазности, основанный на самой напряженной деятельности» [10, с.100].

«Дух сопротивления», который он сделал стержнем своей политической позиции, особенность которой заключалась в том, что он не был призван к борьбе и действию, а, напротив, основывался на убеждении, что время борьбы и действия ещё не пришло. У Германии не было ни сил, ни средств, что-либо изменить положения Версальского договора и последствия поражения. В сложившихся обстоятельствах подлинное немецкое освободительное движение было невозможно, и должно было пройти какое-то время до ревизии. Он считал, что только охваченный безумием человек мог сейчас думать об открытой борьбе, и только такой демагог, как Гитлер, мог убедить народ, что освобождение Германии в настоящее время находится в пределах политически возможного и может произойти в одночасье, как чудо, без применения какой-либо особой силы. Это принуждение к молчанию, по мнению Э. Никиша, не должно вести к духовному смирению с существующим положением, к забвению утраченной свободы или к её утрате. Германии не следует покоряться судьбе, а, напротив, поддерживать постоянную духовную готовность к борьбе и деятельности, в постоянном, высочайшем напряжении и с мужеством сделать всё возможное, если того потребует благо народа. Сам Э. Никиш являл собой яркий пример того, как это противодействие должно проявляться на практике. Он не считал, что германская делегация в Версале не должна была подписывать мирный договор, но она должна была сделать это с закрытыми глазами и отвернув лица, выражая, таким образом, немецкий протест. Такой жест был бы

несомненным сдаться действительности, а напротив, стремиться утвердиться в безоговорочном игнорировании [4, с.350].

В отношении сопротивления Версальской системе Э. Никиш полагал, что следовало интуитивно постичь сущностные и глубинные источники, питающие и движимые силами, с которыми оно призвано бороться. Ключевой причиной ослабления германского духа он считал влияние на германцев западной духовности. Однако идеологическое сопротивление Версалу должно было вестись не только во внешней политике, но и внутри самой страны, против тех сил, которые, будучи «агентами и сторонниками держав-победительниц», воплощали западный дух. Э. Никиш называл их «чуждыми и враждебными», как и всё, что жило за счёт Германии, ссылаясь на Версаль. «Постоянный бунт и восстание против них, как и против всего западного, по обе стороны наших границ, должны быть нашей самоочевидной позицией. Конечно, это революционно. Но не должно быть никаких сомнений: либо мы — революционный народ, либо мы задохнёмся в болоте и, в конце концов, перестанем быть свободным народом» [10, с.3]. Он подчеркивал, что «воистину, цепи, связывающие нас, крепки и тяжелы; требуется немалое сопротивление, чтобы не отчаяться... Кажется понятным, что трепет перед сверхчеловеческой задачей освобождения охватывает слабые умы. Однако: священное пламя не должно угаснуть ни в этом поколении, ни в следующем. Его следует беречь... до того дня, когда весь народ будет готов вновь обрести свободу» [5, с.62].

Э. Никиш довёл свою критику Версальского договора и его последствий до отрицания какой-либо политической общности с западными странами, а своё неприятие капитализма — до осуждения буржуазного общества и всех буржуазных образов жизни в целом. Благодаря послевоенным договорам Запад сделал бессилие Германии неотъемлемой частью европейского порядка, но немецкая буржуазия

согласилась на это, потому что больше заботилась о своей собственности, чем о свободе нации. В этих обстоятельствах Э. Никиш был убеждён, что спасение Германии и освобождение немецкого рабочего класса не могут зависеть от интеграции в эту панъевропейскую систему [4, с.343]. Он утверждал, что Германия может защитить свои вполне осознанные национальные интересы, только проявив умеренность по отношению к своему восточному соседу, стремящемуся к прекращению войны, чтобы получить выгодную исходную позицию для переговоров с западными противниками. Германия должна принять принципиальное решение, а именно: за социалистический Восток против капиталистического Запада [4, с.335], необходимо стремиться к улучшению отношений с Россией.

В данном контексте национал-большевистская ориентация отображает тяготение ряда революционных консерваторов к «Востоку»: это был и «социалистический» Восток, и Восток в рамках культурной специфики интеллектуального течения, которая развивалась еще с конца XIX века, и особо сильное распространение получила в годы Веймарской республики. Национал-большевики видели в Советском Союзе ключевого партнера Германии в противостоянии «буржуазному Западу». Э. Никиш утверждал, что «социалистическая и революционная Германия, объединившись с революционной Россией, способна одержать верх над буржуазным Западом, а освобождение Германии от Версальского гнета даст стимул для мировой социалистической революции». В своей поздней работе «Третья империяльная фигура» Э. Никиш размышлял о взаимосвязанности исторических путей русского и немецкого народов, подчеркивая важность геополитического вектора, направленного на Восток. «Мы должны, — писал он, — провести полное отделение от Запада. Мы объявляем себя сторонниками законов и ценностей стран восточней Эльбы. В странах Запада к

немцам относятся как к неполноценным, на Востоке же они — ведущая сила. Тем, чем был Рим для Запада, должен стать Потсдам для востока. Мировое господство всего римского прошло, на очереди — Восток» [7, с.110]. Судьба Германии, однако, заключается в том, что и её страна, и её душа представляют собой поле битвы конфликтующих исторических принципов, поэтому она духовно и практически стоит перед альтернативой: либо поддаться Западу и навсегда потерять свободу, либо полностью вернуть себе свободу и индивидуальность, прикнув к Востоку. Ситуация, созданная Версалем, делает этот выбор безотлагательным. Немецкий народ должен, следовательно, взять пример с русского народа, также потерпевшего поражение, и освободившегося от гнета, немецкий рабочий класс должен научиться у русских мыслить национально и переплавлять классовую борьбу в германскую волю к свободе. Свержение буржуазного общества знаменует начало возрождения Германии, поэтому немецкий народ должен, во-первых, поддержать глобальный русско-азиатский натиск на Европу и двигаться в этом направлении. Во-вторых, он должен, так же радикально, как и русский народ, уничтожить всё западное в своих границах и утвердить всё, что ненавистно Западу: антилиберализм, антииндивидуализм, самодержавие и открытую приверженность насилию. Он должен подражать глобальным политическим достижениям большевиков: социальному перевороту как национальному акту, выполнению всемирно-революционной миссии как заповеди патриотического убеждения.

В соответствии со столь далеко идущим отказом от любого политического сотрудничества с западными странами, Э. Никиш также поместил то, что он считал необходимой восточной ориентацией германской политики, в рамки всеобъемлющих всемирно-исторических категорий и расширил её, включив в неё принцип выбора Востока. Большевизм действительно

победил в России по западным формулам, к которым он относил и социализм, и использовал их как оружие против русской буржуазии, которая хотела продать Россию Западу. Однако на самом деле, согласно утверждениям Э. Никиша, восстание против всего европейского и западного представляло собой возрождение славяно-азиатского. Марксистская мысль дала славяно-азиатским первобытным инстинктам чистую совесть, уверенность в себе и чувство миссии в их войне на уничтожение буржуазного мира, но когда дело уничтожения было завершено, стало очевидно, что его движущие силы не исходили из марксистской теории. Напротив, Ленин перенес марксистскую доктрину классовой борьбы во внешнюю политику и мобилизовал антиевропейские инстинкты ради радикального освобождения русского народа. Сталин завершил его наследие, служа делу революции с беспрецедентной жестокостью.

В ориентации на восток, т.е. СССР, Пруссия сможет вновь обрести свое величие, а Германия получить новое мировое значение. Просоветская ориентация Э. Никиша вполне естественна для национал-большевика. Он полагал, что большевистская идеология переплетается с прусской моделью: мобилизация масс против внешнего врага соответствует призыву к ликвидации паразитических классов и искоренению буржуазии. В своей геополитической концепции Э. Никиш широко использовал «потсдамскую идею» и уникальность прусской модели развития. В частности, он писал, что «Пруссия как юнкерское государство всегда стояло в стороне от собственно Европы. Можно было теперь подчеркивать и культивировать эту антиевропейскую тенденцию Пруссии, ее враждебность Европе» [3, с.241]. В его глазах «Россия была центром антиверсальского мира» [3, с.236]. Рассмотрение материалов, опубликованных в журнале *Сопrotивление* под редакцией Э. Никиша, показывает, что в публикациях 1930 года Советская Россия

упоминалась примерно в 28% случаев. К 1931 году частота упоминаний увеличилась до 47%, и данная тенденция сохранилась почти на том же уровне и в 1932 году.

Наиболее ярким подтверждением прямого интереса Э. Никиша к реальным процессам, происходящим в СССР, служит его участие в «ARPLAN». Визит Эрнста Никиша в Советский Союз в 1932 г. был осуществлен по линии этой организации. «ARPLAN», созданная в 1931 г. как «ассоциация для анализа советского планового хозяйства», свидетельствует о направленности к «Востоку», а именно к социалистическому «Востоку». Однако, помимо этого, отчетливо прослеживается практический и предметный интерес участников этой группы к изучению именно советской системы планирования экономики. Таким образом, советская пятилетка представлялась как не имеющий прецедентов экономический триумф, достигнутый благодаря принципиально другой экономической модели. Вполне обоснованно возникала мысль о заимствовании определенных методов этой системы для процветания Германии и укрепления потенциального политического союза с СССР через создание схожей экономической базы. Более того, в этом можно было увидеть еще один резкий контраст с капиталистическим и буржуазным миром Запада.

Важно подчеркнуть, что данное стремление к сближению с Советским Союзом не означало отказа Германии от своей независимости во внутренних и внешних делах. Э. Никиш выражал готовность к взаимодействию и совместным действиям, направленным против Версальского договора, однако неизменно акцентировал внимание на необходимости сохранения суверенного курса немецкой политики. Отношения с Россией не должны быть слишком тесными, иначе Германия вскоре окажется в униженном положении по отношению к ней: «мы были бы брошены ему на произвол судьбы. Таким образом, мы должны осторожно и дальновидно лавировать

между Западом и востоком». «В этом российском развитии есть что-то удивительно загадочное», - отмечал он позднее. «Сто-миллионный народ подчиняет все свое культурное, экономическое и социальное существование исключительно точке зрения спасения своей внешнеполитической свободы. Многие черты чужды, это также народ, который во многих отношениях отличается от немецкого народа и, следовательно, никогда не смог бы устроить свою жизнь по его правилам» [8, с.201].

Хотя Э. Никиш с самого начала и в основе своей был убежден в правильности союза между Германией и Россией со всеми вытекающими социальными последствиями, он не скрывал, что возможное освобождение от Версальского договора с помощью России имело бы мало смысла, если бы Германия впоследствии оказалась «втянута в те же удушающие отношения с Россией». «Спасение Германии не в том, что она, увлеченная русским примером, может большевизироваться от отчаяния, а в том, что она обладает гибкостью и пластичностью, чтобы сформировать свою политическую конституцию, свой общественный строй и свою экономическую организацию в соответствии с потребностями и законностью немецкого народа, в форму, способную максимально усилить её силу сопротивления, направленную вовне» [5, с.45].

Очевидно, отношение Э. Никиша к Советской России в эти годы было отнюдь не таким однозначным и ясным, как к буржуазно-капиталистическим западным державам, символизируемым именем Версаль.

Даже его идеологическому макиавеллизму было трудно убедить беспокойную буржуазную молодежь в якобы принципиальной идентичности советского коллективизма и немецкого «аристократического принципа», большевизма и «немецкого» и «прусского социализма». Очевидно, он поставил перед собой задачу, которую не мог выполнить изначально, несмотря на мобилизацию национальных чувств и постоянные исторические аналогии, из-за фундаментального внутреннего противоречия. Поскольку в этой молодежи преобладала открытость по отношению к Востоку, она в значительной степени была свойственна России до 1917 года, но не Советскому Союзу, и носила скорее литературный, чем политико-социальный характер [5, с.46-50].

Заключение (выводы). Таким образом, Эрнст Никиш видел решение проблемы германской внешней политики Германии именно в ориентации на Восток. Именно советско-германское объединение, по его мнению, позволит преодолеть Версальскую систему и в результате Германия сможет получить новое мировое значение. Оно позволяло объединить все антиверсальские силы германского общества вокруг восстановления германской национальной идеи, не исключавшей достижение социальной справедливости. В любом случае, его внешнеполитический проект означал сущностный разрыв с проводимой Веймарской республикой политикой и указание на перспективность развития германо-советских отношений как бастиона против негативного воздействия западного мира.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции. Брянск.: Брянский государственный университет, 2011. 312 с
2. Мёллер ван ден Брук А., Васильченко А.В. Миф о вечной империи и Третий рейх. М.: Вече, 2009. 368 с.
3. Никиш Э. Жизнь, на которую я отважился. Спб.: Владимир Даль, 2012. 560 с.
4. Buchheim H. Ernst Niekischs Ideologie des Widerstand // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (5), 1957.
5. Kabermann E. Ernst Niekisch. Widerstand und Leben. München., 1974. 415 S
6. Niekisch E. Deutsche Außenpolitik// Widerstand (4) 1929 Heft 2

7. Niekisch E. Die dritte imperiale Figur. – Berlin 1935.
8. Niekisch E. Der Funfjahrsplan Außenpolitik// Widerstand (5) 1930 Heft 7
9. Niekisch E. Grundfragen deutscher Außenpolitik. – Berlin, 1925.
10. Niekisch E. Revolutionare Politik // Widerstand. (1) 1926. Heft.

THE ORIENTATION OF GERMAN FOREIGN POLICY TOWARDS THE USSR IN THE VIEWS OF ERNST NIEKISCH.

This article explores the intellectual landscape of the Conservative Revolution in Germany's Weimar Republic. The subject of study is the intellectual and political legacy of German thinker Ernst Niekisch, a prominent figure in the National Bolshevism movement. This study analyzes the conservative thinker's foreign policy concept, which was characterized by a distinctive feature common to many representatives of the Conservative Revolution: a justification for a foreign policy orientation toward a prospective alliance with the Soviet Union. The Eastern orientation of Ernst Niekisch's foreign policy concept coincided with early plans for relations with Bolshevism Russia, developed in the early years of the intellectual movement by Moeller van den Bruck. In his concept of young nations, the prospect of German-Soviet cooperation was defined by an anti-universal orientation, in which the possibility of revising the Versailles system of international relations served as a unifying element. Ernst Niekisch, developing this idea, also added the prospect of political and economic cooperation, which was quite possibly influenced by the German thinker's prior socialist activities in the immediate post-war years. In the course of our research, we concluded that his political position and arguments in favor of the prospect of German-Soviet cooperation were ambiguous. Nevertheless, Ernst Niekisch would base future cooperation on the need for a joint revision of the Versailles system and overcoming the consequences of the global economic crisis of 1929 through the use of a system of state regulation of the economy based on the principles of the Soviet five-year plans.

Keywords: Conservative Revolution, Moeller van den Bruck, National Bolshevism, Ernst Niekisch, Versailles system, Weimar Republic, German-Soviet relations, German foreign policy.

References

1. Artamoshin S.V.(2011) Ponyatiya i pozicii konservativnoj revolyucii.[*Concepts and positions of the conservative revolution*] Bryansk.: Bryanskij gosudarstvennyj universitet, 2011. 312 S
2. Møller van den Broek A., Vasilchenko A.V. (2009) Mif o vechnoj imperii i Tretij rejx.[*The Myth of the Eternal Empire and the Third Reich*] M.: Veche, 2009. 368 S.
3. Niekisch E. (2012) Zhizn', na kotoruyu ya otvazhilsya.[*The life I dared to live*] Spb.: Vladimir Dal', 2012. 560 S
4. Buchheim H.(1957) Ernst Niekischs Ideologie des Widerstand //Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (5), 1957.
5. Kabermann E. (1974)Ernst Niekisch. Widerstand und Leben. München.,1974. 415 S
6. Niekisch E.(1929) Deutsche Außenpolitik// Widerstand (4) 1929 Heft 2
7. Niekisch E.(1935) Die dritte imperiale Figur. – Berlin 1935.
8. Niekisch E.(1930) Der Funfjahrsplan Außenpolitik// Widerstand (5) 1930 Heft 7
9. Niekisch E.(1925)Grundfragen deutscher Außenpolitik. – Berlin, 1925.
10. Niekisch E. (1926)Revolutionare Politik // Widerstand. (1) 1926. Heft.

Об авторе

Хомутова Елена Викторовна – преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: homutova-elena211181@yandex.ru

Khomutova Elena Viktorovna – lecturer at the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, (Russia), E-mail: homutova-elena211181@yandex.ru